Глава 19.4

Все благоразумно разбежались с его пути. Все, что он мог вспомнить, это то, что в тот момент в его голове крутилась только одна мысль: сейчас он нужен своему сыну.

Вскоре он прибыл в больницу, где уже находилась медицинская бригада, ожидавшая их возвращения. К тому времени Хиаши едва чувствовал руку, на которой он нес Хаку, - температура тела Хаку была слишком низкой, и рука онемела настолько, что Хиаши, честно говоря, подумал, что может ее потерять. Медики сразу заметили проблему, помогли ему переложить почти замерзшую руку, чтобы уложить Хаку на носилки, прежде чем перевезти его.

Другой медик остался, чтобы привести его руку в нормальное состояние. Чувство осязания в руке еще не вернулось, но, к счастью, по словам медика, никаких последствий не будет.

Даже если и так, Хиаши не стал бы жаловаться. Он более чем заслужил это за то, что не смог стать отцом для Хаку.

Он потерпел неудачу. Ему снова напомнили о своих ошибках.

Он вспомнил, как они с Ханаби смотрели, как медики исчезают за дверями операционной, не в силах делать ничего другого, кроме как ждать.

— Отоу-сама.

Он обернулся к дочери, которая обеспокоенно окликнула его, заметив его руку, которая была частично заморожена всего несколько мгновений назад. Он позволил ей подвести его к ближайшему стулу, чтобы тот сел и отдохнул.

— Ты в порядке? Со льдом Хаку нельзя шутить. Даже Мататаби пришлось одолжить мне немного своего пламени, чтобы мы оба не замерзли там до смерти. Мне снова позвать медика?

— Я в порядке.

Он изо всех сил старался успокоить свою младшую дочь улыбкой, изо всех сил стараясь оставаться сильным для нее, пока его вторая рабочая рука обнимала лицо младшей дочери.

С этого момента ее жизнь будет только усложняться. Жизнь джинчуурики не из приятных. Одна мысль об этом причиняла ему боль. Его дочь не заслуживает такой суровой жизни.

Он потерпел неудачу. Он чуть не потерял свою младшую дочь во второй раз. На этот раз она чуть не умерла.

Кумо. Как всегда, Кумо.

Ханаби была явно удивлена, когда он вдруг притянул ее в объятия своей непострадавшей рукой.

— Прости меня, Ханаби. Я не справился. Я подвел и тебя, и Хаку. Я подвел твою мать. Я… — он немного поперхнулся, прежде чем продолжить. — Я не справился, Ханаби. Я не смог быть рядом, чтобы спасти тебя, и чуть не потерял тебя снова. Прости меня.

— Все в порядке, Отоу-сама. — он услышал ее дрожащий голос, когда ее тело задрожало, и она крепче прижалась к нему. — Теперь все в порядке. Хаку вернулся, я жива, вся наша семья вернулась живой. Все в порядке. Видишь? Я все еще здесь, полностью в порядке. Все хорошо, все хорошо!

Он больше ничего не говорил, пока его дочь всхлипывала и тщетно пыталась убедить их обоих, что теперь все в порядке, давая ей возможность выпустить свои сдерживаемые эмоции и стресс.

Он прятал ее лицо от посторонних глаз, позволяя ей плакать у себя на груди, и смотрел на всех, кто проходил мимо и осмеливался бросать осуждающие взгляды на то, где они находятся в больнице. Джинчуурики или нет, Ханаби - его дочь.

Она не монстр.

— О-Оту-сама?

— Да?

— Я хочу быть сильной. Я хочу быть настолько сильной, чтобы меня никогда больше не смогли убить, чтобы Хаку больше не пострадал из-за меня. Ты можешь обучить меня?

— Тогда я позабочусь о том, чтобы ты научилась всему, что может предложить наш клан. Я не знаю, сможет ли Хаку продолжать быть шиноби, учитывая его состояние, но ты, твоя сестра и Неджи… Я позабочусь о том, чтобы вы трое узнали все, что можно узнать в нашем клане. Это будет нелегко, Ханаби.

— Я знаю, но я хочу… нет, мне это нужно. — он чувствует, как ее кулаки сжимают его одежду, когда она говорит это. Ему больно от того, как она это делает, но ничто не может сравниться с той болью, которую они все чувствовали в своих сердцах.

— Я понимаю, почему Хаку ненавидит этот мир, Отоу-сама. Я не хочу, чтобы мир причинял ему еще больше боли. Я обещала ему, что изменю мир ради него. Для него, для тебя, для всех, я хочу, чтобы мир изменился.

Он крепче прижал ее к себе.

— Я не позволю никому причинить боль тебе, Хаку, твоей сестре и Неджи. Вероятность того, что война разразится снова, высока и, если мне придется вести войну против Кумо в одиночку, чтобы сохранить всех вас в безопасности, я сделаю это. Я обещаю тебе это как твой отец. Я не подведу вас снова. Третьего раза не будет.

Они оба молча находились в этой позе, пока Ханаби снова не заговорила.

— Мы можем пойти к Нее-сан? Где Неджи-нисан и Одзи-сан?

— Я знаю, что они где-то здесь. Давай пойдем и найдем их, хорошо?

После того, как он медленно отпустил дочь и рукавами осторожно стер ее слезы, они двинулись на поиски своей семьи. Он и Ханаби нашли остальных членов своей семьи, ожидающих в углу больницы, и они провели время вместе, ожидая, когда последний член их семьи вернется к ним домой.

Ожидание было недолгим. Хаку выписали из операционной через час, он полностью оттаял и пришел в норму, но все еще был без сознания. Медсестры переодели Хаку из его пропитанной кровью одежды в обычную, которую носят пациенты больниц. Сердце Хиаши снова сжалось при виде крови на одежде Хаку. Это кровь его дочери, кровь, которая испачкала одежду Хаку, когда он отчаянно пытался спасти ее.

И как их отец, он не был там, чтобы помочь. Он мог только представить, через что пришлось пройти Хаку за это время, как физически, так и душевно.

Его мысли вернулись в настоящее, когда голос Ханаби стал громче, и она начала что-то возбужденно говорить без остановки, оживленно двигая руками, несомненно, пытаясь оставаться сильной ради всех.

Хината и Неджи время от времени добавляли свои мнения. Хаку лишь кивал головой или давал понять, что слушает, но очевидно, что мысли его постоянно блуждали, и Ханаби приходилось возвращать его внимание к ним каждые несколько минут.

— Мы можем просто... пойти домой? — слова Хаку застали всех врасплох, когда он произнес их неожиданно. — Я не хочу больше оставаться в маленькой комнате.

И в тысячный раз за этот день Хиаши мысленно проклял Санина Слизней целым списком ругательств, которые он никогда раньше не мог произнести в устной форме.

Он уверен, что все остальные в комнате читали между строк то, что сказал Хаку. Маленькое помещение, в котором они находятся, должно быть, слишком сильно напомнило Хаку ту

маленькую камеру, в которой он был заперт так долго. Хиаши не удивился бы, если бы после этого опыта у Хаку развилась какая-то неприязнь к замкнутым пространствам.

Отлично. Еще одна психическая проблема, которая добавится к и без того хрупкому душевному состоянию Хаку.

Цунаде.

Он скажет ей пару слов за то, что она сделала с его сыном.

Даруи.

Он убьет его при любой возможности за то, что он сделал с его дочерью.

http://tl.rulate.ru/book/62135/1759925